

Император всё ещё кипел от гнева. Хан Чжо, который и так-то посмел возразить лишь раз, теперь поспешил отбросить личину заботливого отца. Больше он не заикался о том, чтобы удержать сына от поездки в Цзяннань.

К тому же в глубине души он понимал: пусть уж этот негодник отправляется на юг. Это всяко лучше, чем если он продолжит мозолить глаза здесь, в столице, и изводить отца ядовитыми речами, от которых у герцога каждый раз внутренности сворачивало от ярости.

С тех пор как у Хан Сиэня внезапно изменился нрав, а сам он снискал милость государя, в семействе Хань не было ни единого спокойного дня.

Император посмотрел на Хан Чжо, который лишь безмолвно понурил голову, а затем обвёл взглядом всё собрание придворных.

— У кого-то из моих любезных подданных есть иные соображения?

Голос владыки громыхнул под сводами зала, а в его тоне сквозила такая неприкрытая угроза, что вопрос прозвучал скорее как предостерегающий окрик, нежели как приглашение к спору.

Министр доходов и думать не смел о том, чтобы подать голос — гнев императора едва не выжег в нём последние остатки смелости. Он стоял на коленях, втянув голову в плечи, и всей душой желал обратиться в ничтожную песчинку, лишь бы не попасться на глаза разгневанному монарху.

Видя, что желающих возражать не нашлось, император велел евнуху Юань Бао лично привести Хан Сиэня во дворец.

С уходом слуги в зале заседаний воцарилась тишина. Впрочем, покой этот был зловещим и удушливым.

Восседавший на драконьем троне император неторопливо разглядывал чиновников. Его взор, острый как лезвие клинка, казалось, заживо срезал кожу с каждого, на ком задерживался.

Старый маркиз Ши едва заметным движением подал знак одному из цензоров — глубокому старику с окладистой седой бородой. Тот славился крутым нравом и страстью к вечным поучениям; не раз и не два он шёл наперекор воле государя, даже под угрозой плахи.

Император терпеть его не мог, но из соображений государственной важности казнить не решался, вынужденный терпеть это бельмо на глазу при дворе.

Поймав взгляд старого маркиза, престарелый цензор сухо прокашлялся.

Приковав к себе внимание присутствующих, он обратился к трону, выбрав на удивление мягкий тон:

— Ваше Величество, наследник герцога Хань, вне сомнения, юноша благородного происхождения, и его поездка на юг вполне оправданна. Однако молодой господин всю жизнь провёл в четырёх стенах, не ведая законов государственной службы. Не зная тонкостей придворного устава, он легко может допустить оплошность. Посему ничтожный раб осмеливается предложить: не стоит ли отправить вместе с ним того, чей высокий чин и авторитет смогут направить его и, если потребуется, умерить горячность?

— Того, кто «умерит горячность»? — так и взвился Уездный князь Юн, проклиная в душе тот день, когда решил явиться во дворец. На его беду, первое же заседание обернулось неразберихой. — Наследник Хань — фигура значимая, и стать для него указкой может разве что член императорской семьи. Ты что же, старик, предлагаешь отправить на юг кого-то из принцев? Или ты оглох и не слышал, что в Цзяннани свирепствует мор? Присутствие высочайшей особы, конечно, воодушевит народ, но если, оборони Небо, принц подхватит заразу? Кто тогда ответит за это головой?!

Хоть слова Уездного князя Юна и были здравыми, напыщенным столичным книжникам они пришлись не по вкусу. «Ишь как запел, — кривились они мысленно. — На юг, помимо чиновников, отправятся тысячи стражников. Обычные солдаты будут ежеминутно рисковать жизнью, соприкасаясь с больными, в то время как вельможи устроятся подальше от очагов заразы. Неужто жизни простых гвардейцев ничего не стоят?»

Уездный князь Юн дураком не был и прекрасно понимал, какое возмущение вызовет его тирада, но промолчать не мог. За маской праздного повесы скрывался проницательный ум: он слишком хорошо изучил мнительный нрав императора. Стоило кому-то из царевичей собраться в Цзяннань, как государь тут же повелел бы отпрыскам знатных родов составить ему компанию. Сын Уездного князя, Цзи Юэ, идеально подходил и по возрасту, и по положению. Пускай сам Уездный князь Юн и слыл легкомысленным волокитой, своего наследника он берёт пуще зеницы ока и ни за что не отпустил бы мальчика в эту Богом забытую глушь. Вдруг случится непоправимое? Подхватит заразу и сгинет — тогда локти кусать будет поздно. А уж если супруга поднимет крик, куда ему тогда деваться? Кому жаловаться?

Отпор Уездного князя заставил обычно упрямого цензора вновь ощетиниться. Выпрямившись во весь рост, старик гневно уставился на оппонента:

— Ваша светлость вводит двор в заблуждение! Да, на юге беда, но государь отправляет туда не только чиновников, но и лучших лекарей Поднебесной. В прошлые годы Цзяннань не раз страдала от поветрий, и если следовать вашей логике, то государству надлежит вовсе бросить несчастных на произвол судьбы!

Под яростным, не по-старчески ясным взором цензора Уездный князь Юн слегка стушевался, но позиций не сдал:

— Сравнил тоже! Нынешняя беда — совсем иного рода. Царевичи — это опора престола, продолжение династии! Если случится несчастье, кто восполнит утрату? Коль ты такой умный, старик, так назови имя! Кого из сыновей Его Величества ты жаждешь отправить на погибель? Выскажись при всех, а мы слушаем, согласится ли государь!

От подобного бесстыдства у престарелого цензора даже усы затряслись от негодования. Поняв, что спорить с этим негодяем бесполезно, он повернулся к трону и взмолился:

— Ваше Величество, рассудите нас!

Император безучастно наблюдал за перепалкой с высоты своего величия. Его холодный взгляд остудил пыл спорщиков лучше любых слов — вскоре голоса затихли, и в зале вновь установилось глубокое молчание.

В этот напряжённый миг у входа показался Юань Бао, сопровождающий Хан Сиэня. Выждав положенное время, государь повелел немедленно впустить юношу.

Придворные затаили дыхание, провожая взглядами неспешно шествующего по залу Хан Сиэня.

В отличие от присутствующих, облачённых в парадные чиновничьи халаты, он предстал пред грозные очи повелителя в простом белом одеянии, подчёркивавшем его хрупкое, почти болезненное сложение.

Что же до его лица... Те из сановников, кому уже доводилось видеть юношу вблизи, мысленно отметили: кожа его больше не казалась такой иссохшей и желтушной, как в день празднования именин вдовствующей императрицы, да и щёки слегка порозовели. И всё же при взгляде на него в голове у каждого неизменно всплывали два слова: чахлый и безобразный.

Особо злоязычные придворные уже всю злорадствовали про себя: «С таким обличьем в столице ему приличной невесты вовек не сыскать».

Титул наследника герцогского дома, конечно, звучал заманчиво, но знатные девицы в столице росли в неге и холе. Стоило бы несчастной невесте в день свадьбы приподнять парчовое покрывало и узреть лик своего суженого, она бы наверняка лишилась чувств от ужаса.

Не пожелай Хан Сиэнь пресечь свой род, семейная жизнь обернулась бы для него неподъёмным бременем.

Хан Сиэнь, без труда улавливавший чужие нечистые помыслы, скользнул по рядам чиновников рассеянным взором. Столкнувшись глазами с одним особенно рьяным сплетником, он едва заметно усмехнулся.

Мелкий писец, поймавший этот взгляд, вздрогнул всем телом. В глазах наследника почудилось

нечто настолько зловещее, что у бедняги по спине пробежал ледяной пот.

Впрочем, мгновение спустя Хан Сиэнь отвернулся, и чиновник попытался убедить себя, что ему всё просто померещилось.

Не обращая внимания на шушуканье за спинами, император прямо обратился к прибывшему, вкратце обрисовав бедственное положение в южных провинциях Лянцзян.

— Хан Сиэнь, — закончил он, — готов ли ты принять бремя Императорского уполномоченного и отправиться на юг для спасения тонущих уездов?

— Ваш покорный слуга готов исполнить волю Вашего Величества, — без малейшего колебания ответил Хан Сиэнь.

Такой быстрый и решительный ответ явно пришёлся монарху по душе.

— Говори же, чего ты просишь для этого похода? — милостиво кивнул император. — Всё, что в моих силах, я исполню.

— Южные земли постиг не только потоп, но и беспощадный мор, — тотчас отозвался Хан Сиэнь. — Раз местные чинуши так долго утаивали правду, беда наверняка разрослась до немыслимых пределов. Прежде всего мне необходимы люди, знающие толк в исцелении недугов. Моему отряду понадобится множество лекарей.

Столь явная забота о судьбе простого люда смягчила суровое сердце владыки.

Он довольно хлопнул ладонью по подлокотнику и улыбнулся:

— Можешь не беспокоиться о делах врачевания. Сегодня же по всей столице объявят мой указ. Из императорской лечебницы выделяют лучших придворных лекарей, да и городским приютам и лавкам снадобий придётся поделиться людьми. По пути к месту назначения ты также сможешь забирать на службу местных лекарей. Что ещё тебе надобно?

Хан Сиэнь на мгновение задумался, взвешивая всё наперёд, а затем произнёс:

— Благодарю Ваше Величество. Более низжайших просьб пока не имею.

— Вот как... — протянул император. Он задумчиво потёр пальцами подбородок. — Только что мои советники высказали мысль, что с тобой должен отправиться кто-то из моих сыновей. Как думаешь, разумная ли это затея?

Хан Сизнь нахмурился и, не колеблясь, рубил сплеча:

— Позвольте вашему слуге высказаться без утайки, раз уж дело приняло такой оборот. Коли царевич отправится в путь вместе со мной, чьим приказам станет подчиняться войско в случае спора — моим или его высочества? Если принц пожелает вмешаться в дела, которые я сочту вредными для общего блага, смогу ли я наложить свой запрет? И последнее: если пресветлый господин, избави Небо, подхватит заразу и сгинет в дороге, на чью голову падет этот грех — на мою или на его собственную беспечность?

Едва эти кощунственные речи сорвались с губ юноши, как Хан Чжо поспешил грудью защитить приличия, громко цыкнув на сына:

— Дерзкий малец! Как смеешь ты говорить столь непочтительно в высочайшем присутствии? Царевичи — плоть от плоти Его Величества, а ты лишь ничтожный слуга престола. Неужто забыл своё место?!

Герцог теперь до дрожи боялся ядовитого языка собственного отпрыска, который молот всё, что взбредёт в голову. Гнев государя — шутка ли? Один неверный шаг, и плаха ждёт не только этого упрянца, но и весь их благородный род.

Сановники стояли, разинув рты — столь неслыханной дерзости этот зал не видел давно. Их душило раздражение вперемешку с глухой завистью: уму непостижимо, как этот невыносимый наглец с повадками дикого зверя ухитрился втереться в доверие к самому императору!

Резкие расспросы юноши задели самолюбие государя, но, взглянув на перепуганного Хан Чжо, император лишь снисходительно усмехнулся. Серьёзного гнева он не испытывал.

— И как же ты сам предлагаешь распутать этот узел, верный мой слуга? — поинтересовался монарх.

Хан Сизнь посмотрел на государя ясным, немигающим взглядом и заговорил твёрдо:

— Ваше Величество, почтенный герцог Хань прав: принцы крови — сыны Неба, и подданные обязаны склонять перед ними головы. Однако коль скоро высочайший отпрыск возжелает разделить со мной труды по спасению Лянцзяна, верховное слово должно оставаться за вашим покорным слугой. Ибо я отправляюсь в путь, дабы вершить волю императора, а не прихоти царевичей. К тому же, дерзну заметить: без особого на то соизволения Его Величества принцам негоже совать нос в дела провинциального управления.

Первая половина его речи заставила императора поморщиться, но вот концовка пришлась как нельзя кстати. «И то верно, — подумал повелитель. — Какой бы высокий сан ни носил царевич, он всё же остаётся моим подданным. Тайные происки за моей спиной — не что иное, как посягательство на единовластие престола».

В памяти государя тут же всплыли те таинственные письма, что удалось изъять при обыске у покойного министра Ли. Тот безликий враг, который нацелился на его трон, затаился очень глубоко. Ни единой зацепки до сих пор нет... Не исключено, что нити заговора тянутся как раз в Цзяннань.

От этих мыслей речи Хан Сиэня показались государю ещё более весомыми. Одновременно в его душу закралось подозрение к престарелому цензору: «Уж не подкупил ли старика кто-то из моих сыновей, дабы расчистить себе путь на юг? Надо бы приказать тайной страже присмотреться к нему повнимательнее».

Хан Сиэнь одним махом ухитрился повесить на всех царевичей ярлык будущих бунтовщиков и заговорщиков. И ведь как складно выходило! Теперь любой, кто осмелился бы выступить против его доводов, в глазах подозрительного императора мгновенно прослыл бы прихвостнем той или иной фракции.

Более проницательные сановники сразу уяснили: Хан Сиэнь — кость в горле, своенравный и безжалостный безумец, который не станет церемониться даже с особой королевской крови. А раз Его Величество благоволил этой дикой выходке, остальным оставалось лишь молча глотать обиду.

Несмотря на бурю сомнений в душе, император не выдал себя ни единым мускулом лица. Он ровно произнёс:

— Твои слова не лишены здравого смысла, верный мой слуга. Коль скоро ты наделён полномочиями Императорского уполномоченного, тебе и держать бразды правления. И всё же в речах советников тоже есть доля истины: царевичам полезно понюхать порошу и воочию узреть невзгоды простых людей. Как по-твоему, кто из моих сыновей более всего сгодится для этого испытания?

— Вашему покорному слуге неведомы достоинства и склонности принцев, — даже глазом не моргнув, ответил Хан Сиэнь. — Будет лучше, если Ваше Величество соблаговолит спросить их лично. Пусть скажут, у кого из них достанет духу разделить со мной эту дорогу.

Рассудив, что предложение разумно, государь немедленно отправил слуг за своими сыновьями, велел им явиться пред светлые очи отца для важного разговора.

У Его Величества подрастали четверо сыновей. Лишь старший, первый принц Цзи Фань, числился при Военном министерстве, да и то — лишь занимал почётную должность, не вмешиваясь в государственные дела. Второй принц, Цзи Жун, рос хилым и болезненным, а третий, Цзи Ло, снискал себе лишь всеобщую неприязнь. Оба они, невзирая на зрелый возраст, даже близко не подпускались к делам шести ведомств. Младшему же, пятому принцу Цзи Хуаю, и вовсе было рано покидать стены дворца и обзаводиться собственным поместьем, а о присутствии на утренних аудиенциях он не смел и мечтать.

В прежние времена император и думать забыл бы о третьем сыне, начисто вычеркнув Цзи Ло

из своей жизни. Однако теперь, то ли из уважения к прямолинейности Хан Сиэня, то ли по какому-то иному велению сердца, владыка решил явить милость и призвать к ответу даже его.

Пятый принц Цзи Хуай, всё ещё ютившийся во внутренних покоях дворца, прибыл первым. Никогда прежде не выдававший столь грозного собрания высших сановников, мальчик отчаянно пытался сохранить величавое спокойствие. Однако судорожно сжатые губы и бледность выдавали его глубокое смятение.

Опустившись на колени для приветствия, юный принц замер посреди огромного зала. Десятки взглядов, устремлённых на него со всех сторон, кололи не хуже стальных игл. В голове бедняжки роились самые мрачные догадки: не зная истинной причины вызова, он уже мысленно приготовился к немилости, ссылке или даже пожизненному заточению.

"Какая завидная фантазия"

— мысленно усмехнулся Хан Сиэнь, уловив эти панические думы.

Лишь когда в дверях показались его старшие братья, Цзи Хуай облегчённо перевёл дух. Напряжение, сковавшее его тело, наконец спало.

Дождем омытые крыши дворца сияли под блеклым солнцем. Когда все собрались, император вкратце поведал сыновьям о постигшем южные провинции бедствии.

— Итак, — огласил он свою волю, — кто из вас готов разделить труды с верным Хан Сиэнем и отправиться на борьбу с потопом?

Первым вызвался старший принц Цзи Фань. Его речь была простой и безыскусной:

— Отец, позвольте мне поехать. Второй брат вечно занемогает, третий и вовсе носа из столицы не показывал, а младший ещё слишком мал. Моё же тело привычно к невзгодам и переходам, никакая хворь меня не возьмёт.

Цзи Жун и Цзи Ло, услышав это, поспешили заверить государя в своей преданности и готовности послужить трону.

Юный Цзи Хуай, хоть и робел перед смертельной опасностью, тоже, слегка заикаясь, изъявил желание ехать.

Вглядываясь в одухотворённые лица сыновей, император почувствовал, как червь подозрения в его груди на миг ослабил свою хватку.

В этот самый момент старый маркиз Ши — то ли от почтенного возраста, то ли не выдержав

долгого стояния на коленях — покачнулся. Лицо его покрылось холодной испариной, и вельможа без чувств рухнул на каменные плиты пола.

В зале поднялся переполох. По знаку государя гвардейцы поспешно унесли бесчувственного старика в боковой покой, куда уже торопился дежурный придворный лекарь.

Осмотр показал, что старый вельможа просто лишился сил от усталости, и его жизни ничего не угрожает. Лишь после этого встревоженные придворные успокоились и вновь замерли в ожидании высочайшего решения.

Едва император собрался продолжить допрос, как второй принц Цзи Жун зашёлся сухим, надсадным кашлем, эхом разнёсшимся под сводами зала.

Глядя на покрасневшего от удушья сына, государь вспомнил о его вечной немощи и нахмурился:

— Ты и Цзи Хуай останетесь в столице. Одному не позволит слабое здоровье, другому — нежный возраст.

Переведя взгляд на старшего отпрыска, он продолжил:

— Цзи Фань, твоё присутствие необходимо в Военном министерстве, негоже оставлять службу. Посему на юг с моим уполномоченным отправится Цзи Ло.

Цзи Фань покорно склонил голову, находя такое решение вполне разумным. Юный Цзи Хуай и вовсе мысленно возблагодарил Небеса, празднуя избавление от верной гибели.

— Премного благодарен за оказанное доверие, — Цзи Ло опустил на колени, склоняясь перед отцом в глубоком поклоне.

Когда решение было принято, император велел всем прочим разойтись, оставив подле себя лишь новоиспечённого уполномоченного и третьего принца.

Уже в тишине Императорского кабинета государь подробно посвятил обоих в детали бедствия на юге. Он строго-настрого наказал им помнить: раздача риса голодным — лишь малая часть их долга. Главное — выкорчевать измену и найти тех, кто посмел скрыть правду от трона. Ни одно из этих дел не должно пострадать.

Отдельно император предостерёг третьего сына, пригрозив суровой карой за любые попытки превознестись над Хан Сизнем. На юге слово уполномоченного должно было стать для принца непреложным законом.

Когда все напутствия были даны и повелитель уже собирался отпустить посланников, Хан Сиэнь вдруг заговорил:

— Ваше Величество, обычной стражи, полагающейся посланнику, в этот раз может не хватить. Позвольте просить вас направить со мной отряд императорских гвардейцев.

При слове «гвардия» у императора невольно дёрнулась щека — в памяти его слишком свеж был образ грозного начальника стражи Ли Чжуна.

— Опять надумал чей-то дом пустить с молотка? — сухо спросил он.

— Будьте покойны, государь, — с самым невинным видом отозвался Хан Сиэнь. — В этот раз я не намерен прибегать к крайним мерам без нужды. Но на юге творится беззаконие, а заносчивые чиновники слишком долго скрывали правду. Простые люди изверились в справедливости и могут встретить столичных гостей с вилами в руках, убоявшись круговой поруки. Присутствие вашей личной гвардии не только убережёт нас от беды, но и покажет несчастным беднякам заботу самого императора.

Император долго и пристально разглядывал юношу, силясь разгадать его истинные помыслы. В конце концов он не дал прямого ответа:

— Я подумаю над твоей просьбой. А пока — ступайте и собирайтесь в дорогу.

— И коли государь проявит милость, — не унимался Хан Сиэнь, куя железо пока горячо, — не соблаговолит ли он вручить мне Меч Шанфан? Дабы у тамошних лиходеев не возникло лишних вопросов к моим указам.

Император не удостоил наглеца ответом. Он лишь молча указал пальцем на дверь, недвусмысленно давая понять, что аудиенция окончена.

Пока они шли по извилистым дворцовым галереям, Цзи Ло хранил молчание. Его сердце испуганно трепетало в груди. За обе свои жизни он ни разу не видел, чтобы кто-то осмелился разговаривать с грозным владыкой в подобном тоне, а уж то, что отец стерпел подобное панибратство — и вовсе граничило с чудом.

И пускай принц давно уже перестал надеяться на отцовскую любовь, в его душе поднялась целая буря противоречивых чувств.

Хан Сиэнь вернулся в усадьбу лишь под вечер. В главном зале его уже дожидался отец.

Герцог мрачно уставился на сына. В его глазах читалась сложная гамма чувств, из которых не так-то просто было выделить главное. Наконец он тяжело вздохнул:

— На юге сейчас беспокойно. Береги себя в этой поездке.

Хан Сиэню претила эта фальшивая забота. Безразлично усмехнувшись, он отозвался с привычной колкостью:

— Не беспокойтесь об этом, отец. Мне всегда сопутствует удача, так что умереть от лихорадки на юге — на радость моим недоброжелателям — мне не грозит. Столица мне по сердцу, да и Дворик Душистых Орхидей я покидаю с неохотой. Так что, даже если мне переломают кости, я приползу обратно.

Тихий, вкрадчивый шёпот юноши заставил Хан Чжо поёжиться от внезапного озноба, словно к его спине приложили ледяную глыбу.

От такой грубости лицо герцога мгновенно налилось краской гнева. С трудом сдерживая ярость, он выплюнул:

— Упрямый дурак! Поступай как знаешь!

Резко развернувшись, он взмахнул широкими рукавами халата и покинул покой.

Хан Сиэнь лениво скользнул взглядом по его удаляющейся спине.

"Если отец лелеет надежду избавиться от меня во время этого похода, его ждёт жестокое разочарование. Слишком уж он наивен"

Просьба о выделении императорских гвардейцев была продиктована вовсе не страхом перед разбойниками, а желанием защититься от яда, сокрытого в человеческих душах.

"Судя по поведению Хан Чжо, дела моего третьего дяди, Хан Пина, на юге пахнут нечисто. Небось отец уже строчит ему депешу, предупреждая о моём скором визите"

Впрочем, этот дядюшка, которого Хан Сиэнь ещё ни разу не видел, славился своим высокомерием и вряд ли воспримет появление столичного юнца всерьёз.

"Тем интереснее будет наша встреча. Кажется, поездка на юг обещает быть весьма забавной"